Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Балтские и прибалтийско-финские предметы на усадьбах Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)

Л. В. Покровская

Аннотация. Находки предметов балтского и западнофинского происхождения составляют на Троицком раскопе небольшую, но стабильную группу, встречающуюся в слоях конца X — первой половины XIV в. Хронологический и топографический анализ этой группы предметов позволил установить связи владельцев усадеб, открытых на Троицком раскопе, с Восточной Прибалтикой, Северо-Западным Приладожьем и Северо-Западом Новгородской земли.

Annotation. Finds of objects of Baltic and West-Finnish provenience constitute a small but stable group at the Troitsky excavation and are encountered in layers of the late 10th — first half of the 14th century. Chronological and topographic analysis of this group of objects allowed the researchers to establish the connections of the owners of the urban properties investigated at the Troitsky excavation, with the Eastern Baltic region, North-Western Ladoga and the North-West of the Novgorod Land.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Троицкий раскоп, Людин конец, археология, балты, финно-угры, украшения, систематизация, хронология, топография.

Keywords: mediaeval Novgorod, Troitsky excavation, Lyudin Konets, archaeology, Balts, Finno-Ugrians, ornaments, systematization, chronology, topography.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-113-127

Введение

Археологические исследования на Троицком раскопе, расположенном в Людином конце средневекового Новгорода, были начаты в 1973 г. и продолжаются до сих пор. Здесь открыт целый квартал средневекового города с улицами (Пробойной, Черницыной и Рядятиной) и прилегающими к ним усадьбами (рис. 1), его общая площадь составляет более 7000 кв. м. За годы изучения этого района Людина конца была собрана огромная вещевая коллекция, характеризующая разнообразные аспекты жизни и быта средневековых новгородцев. Каждый год она пополняется материалами, позволяющими по-новому рассматривать некоторые, казалось бы, уже изученные вопросы, например, проблему этнического состава населения раннего периода и характер взаимо-

отношений средневекового Новгорода с прибалтийско-финскими племенами. Одним из источников информации по этим темам могут служить находки предметов балтского и западно-финского происхождения (84 экз.), которые составляют на Троицком раскопе небольшую, но стабильную группу, встречающуюся в слоях конца X — первой половины XIV в. (Покровская, 2018. С. 81–82)².

Распределение предметов по усадьбам

Важным аспектом изучения балтских и прибалтийско-финских предметов, найденных на Троицком раскопе, является их топографический анализ. Распределение по усадьбам предметов этой группы, обладающих яркой этнической характеристикой, позволит выявить наличие или отсутствие их комплексов на конкретных усадьбах.

¹ Кафедра археологии, Исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия.

² Предметы раннего периода опубликованы в работе: Покровская, 2018.

Рис. 1. План Троицкого раскопа с усадьбами

Fig. 1. Plan of the Troitsky excavation with the urban properties

Усадьбы, расположенные к востоку от Пробойной улицы: «А», «Б», «В»

Наиболее подробно исследована усадьба «А», расположенная на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц. Культурный слой усадеб «Б» и «Д» на многих участках был скрыт и испорчен перекопами. Усадьба «В», раскопанная на небольшой площади, находится в северной части раскопа, напротив усадьбы «А» (рис. 1).

В слоях конца X — первой половины XI в. на усадьбах «А» и «Б» найдены (рис. 2): узкомассивный браслет (усадьба «А»), булавка с крестообразной головкой (усадьба «Б») и зооморфный амулет, аналогия которому происходит из ливского могильника.

В XII в. усадьбы принадлежали боярскому клану Мирошки Нездинича (Хорошев, 1994. С. 65–66), в последней трети столетия здесь жил новгородский художник Олисей Гречин (Колчин

и др., 1981. В слоях этого времени предметов изучаемой группы нет. И только к слою конца XII в. относится находка костяного амулета в виде миниатюрных ножен.

В слоях XIII в. найдены круглая выпуклая щитковая фибула (усадьба «Б») и два двуспиральных цепедержателя. Один из них (I тип, первый вариант) найден в слое первой половины XIII в. на усадьбе «Б» недалеко от частокола, отделяющего эту усадьбу от усадьбы «А», второй (I тип, второй вариант) происходит с усадьбы «А» из слоев конца XIII в. Находка фибулы «терветского» типа относится к слоям середины XIII в. К изучаемой группе предметов может быть условно отнесен зооморфный амулет (XIII тип, третий вариант), найденный в слое первой половины XIII в. Подковообразная фибула с зооморфными головками не датирована.

В слоях начала XI в. и начала XII в. на усадьбе «В» найдены (рис. 3) булавка с двумя округлыми

Рис. 2. Предметы из цветного металла с усадеб «А» и «Б»: 1 — булавка (пл. 23, кв. 267, усадьба «Б»); 2, 3 — зооморфные амулеты (пл. 20, кв. 277, усадьба «Б»; пл. 12, кв. 97, усадьба «А»); 4, 5 — двуспиральные цепедержатели (пл. 10, кв. 6; пл. 5, кв. 83, оба — усадьба «А»); 6 — фибула с зооморфными головками (южный профиль (раскопы I, II), усадьба «А»); 7 — фибула «терветского типа» (пл. 12, кв. 49, усадьба «Б»)

Fig. 2. Objects from nonferrous metal from properties “A” and “B”: 1 — pin (horizon 23, square 267, property “B”); 2, 3 — zoomorphic amulets (horizon 20, square 277, property “B”; horizon 12, square 97, property “A”); 4, 5 — two-spiral chain holders (horizon 10, square 6; horizon 5, square 83, both — property “A”); 6 — brooch with zoomorphic heads (southern profile (excavations I, II), property “A”); 7 — brooch of the “Tervete type” (horizon 12, square 49, property “B”)

боковыми лопастями, булавка с тремя круглыми лопастями и двумя нижними, меньшего размера, и узкомассивный браслет.

Особый интерес представляет комплекс карельских украшений, который, вероятно, следует датировать второй половиной XII в. (подковообразная фибула с орнаментом на дуге, скорлупообразная фибула (тип Н), Ф-образная привеска и двуспиральный цепедержатель (II тип, второй вариант). Этот убор и его этническая принадлежность подробно рассмотрены в статье «Комплекс ювелирных украшений усадьбы „В“ Троицкого раскопа» (Покровская, 2005. С. 120–132). Скорлупообразная фибула, Ф-образная привеска и двуспиральный цепедержатель, видимо, составляли единый убор, аналогия которому происходит из карельского могильника (Кочуркина, 1981. С. 90). Возможно, его появление на усадьбе свидетельствует о каком-то одномоментном событии, связанном с деятельностью владельцев усадьбы в Карельских землях (Покровская, 2005. С. 120–132).

Усадьбы, расположенные к западу от Пробойной улицы

Усадьбы Ярышевой улицы: «Р», «И», «П», «О»

Освоение этой территории датируется 30-ми годами X в. (Фараджеева и др., 2013. С. 131–133). На усадьбах «И» и «П» в слоях конца X — XI в. найдены (рис. 4) балтский цепедержатель, подковообразная фибула с зооморфными головками, узкомассивный и ширококонечный браслеты.

На усадьбе «О» к слоям второй половины XI в. относится находка подковообразной фибулы с ромбовидными головками и орнаментом на дуге и головках. В слое первой половины XI в. на усадьбе «Р» обнаружена булавка с крестовидной головкой. Кроме того, в слоях второй половины X — начала XI в. на усадьбе «П» найдены финно-угорские амулеты из таранных костей бобра (Покровская, Тянина, 2015. С. 89–100).

После пожара 1207 г. застройка усадеб «И» и «П» становится более скромной, а по вещевым находкам фиксируется понижение социально-имущественного статуса жителей усадьбы (Фараджеева и др., 2013. С. 137; Гайдуков и др., 1997. С. 50). То же можно сказать и о застройке усадьбы «О» во второй половине XIII в. (Фараджеева и др., 2014. С. 208). Здесь в слоях этого периода обнаружена Ф-образная пронизка. На рубеже XIII–XIV вв. происходит значительное сокращение площади усадьбы «П» (Гайдуков и др., 1997. С. 50–51). В слоях второй половины XIII — начала XIV в. на усадьбах «И» и «П» обнаружен комплекс украшений изучаемой группы: булавка с крестовидной головкой, арочкообразный цепедержатель, три фибулы с зооморфными головками, узкомассивный браслет и спиральный перстень. Можно предположить, что комплекс предметов, обнаруженный на усадьбах Ярышевой улицы, связан с событиями, зафиксированными в берестяных грамотах № 704 (усадьба «П») и № 636 (усадьба «З»). Они найдены в слоях второй половины XIII в. и представляют

Рис. 3. Предметы из цветного металла с усадьбы «В»: 1, 3 — булавки (пл. 14, кв. 373, пл. 21, кв. 169А); 2 — привеска (пл. 7, кв. 365); 4 — скорлупообразная фибула (пл. 10, кв. 366); 5 — ажурный крестообразный цепедержатель (пл. 7, кв. 365); 6 — подковообразная фибула (пл. 13, кв. 373)

Fig. 3. Objects from nonferrous metal from property "B": 1, 3 — pins (horizon 14, square 373; horizon 21, square 169A); 2 — pendant (horizon 7, square 365); 4 — eggshell brooch (horizon 10, square 366); 5 — openwork cross-shaped chain holder (horizon 7, square 365); 6 — horseshoe brooch (horizon 13, square 373)

собой донесения с юго-западных рубежей Новгородского государства (Янин, 1998. С. 370–373).

Усадьбы, расположенные к северу от Черницыной улицы: «Г», «З», «М», «К»

Освоение территории, расположенной к северу от Черницыной улицы вдоль нее, и ее разделение на усадьбы происходило постепенно (Покровская, 1998. С. 23).

В слое первой половины XI в. на территории усадьбы «М» (рис. 5) найдена бронзовая привеска-уточка (II тип). Ко второй половине столетия относятся находки трех браслетов: двух узкомассивных (усадьбы «Г» и «З») и звериноголового (усадьба «Г»). Из слоев первой половины XII в. с усадьбы «Г» происходят находки костяного амулета в виде ножен и игольника с арочным навершием. На усадьбе «М» в слоях этого периода зафиксированы находки двух амулетов-ножен (бронзовый вариант двойных и изготовленный из кости). В слоях второй половины XII в. обнаружены: подковообразная фибула с конусовидными головками

(усадьба «Г»), подковообразная фибула с ромбовидными орнаментированными головками (усадьба «М»), зооморфная привеска (возможно, бракованная отливка с амулета XIV типа) и спиральный перстень (усадьба «З»). Еще один спиральный перстень найден на усадьбе «З» в слое первой половины XIII в. Ко второй половине XIII — началу XIV в. относятся находки двух двуспиральных цепедержателей (I тип, первый вариант — усадьбы «Г», «М»), витого звериноголового браслета (усадьба «М») и игольника с арочным навершием (усадьба «Г»). В слое второй половины XIV в. на усадьбе «М» найден цилиндрический игольник.

Усадьбы, расположенные к югу от Черницыной улицы: «Е», «С», «Ж», «У», «Т», «Ф» и «Х»

Освоение территории начинается в 30-е гг. X в. (усадьба «Ж»), а комплекс вещевых находок характеризует владельцев этих усадеб как обладающих высоким социальным статусом. Усадьбы

Рис. 4. Предметы из цветного металла с усадеб Ярышевой улицы («Р», «И», «П», «О»): 1 — ширококонечный браслет (пл. 14, кв. 1077, усадьба «И»); 2 — узко массивный браслет (пл. 4, кв. 1173); 3, 9 — булавки (пл. 11, кв. 1254, усадьба «Р»; пл. 4, кв. 1114, усадьба «И»); 4–6, 8 — фибулы с зооморфными головками (пл. 1, кв. 1097, усадьба «И»; пл. +4, кв. 1103, усадьба «П»; пл. 2, кв. 1119, усадьба «И»; пл. 13, кв. 1197, усадьба «П»); 7 — подковообразная фибула (пл. 16, кв. 843, усадьба «О»); 10, 11 — цепедержатели (пл. 3, кв. 1172; пл. 15, кв. 1072, оба — усадьба «П»)

Fig. 4. Objects from nonferrous metal from properties of Yarysheva Street («P», «I», «P», «O»): 1— broad-ended bracelet, horizon 14, square 1077, property «I»; 2 — narrow massive bracelet (horizon 4, square 1173); 3, 9 — pins (horizon 11, square 1254, property «P»; horizon 4, square 1114, property «I»); 4–6, 8 — brooches with zoomorphic heads (horizon 1, square 1097, property «I»; horizon +4, square 1103, property «P»; horizon 2, square 1119, property «I»; horizon 13, square 1197, property «P»); 7 — horseshoe brooch (horizon 16, square 843, property «O»); 10, 11 — chain holders (horizon 3, square 1172; horizon 15, square 1072, both — property «P»)

«Е», «Ж» и «У» археологически изучены полностью, усадьбы «С» и «Т» — на небольших участках, а усадьбы «Ф» и «Х» находятся в процессе археологического изучения.

На усадьбе «Е» (рис. 6), расположенной на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц, в слоях второй половины X — XII в. украшений изучаемой группы нет. К кругу предметов, которые могут характеризовать связи владельцев усадьбы с Прибалтикой, вероятно, можно отнести находки коньков-амулетов «смоленского» типа (3 экз.)

и привеску с изображением быка. В первой половине XI в. на этой усадьбе, видимо, жил священник, о чем свидетельствуют находки церы и иконки на бересте, а в 20–70-е гг. XII в. усадьба «Е» была административным центром Людина конца (Янин и др., 2001. С. 7). В слое второй половины XII в. на этой усадьбе найдены костяная привеска-ножны и «рогатая» привеска-уточка. К слоям XIII в. относятся находки двуспирального цепедержателя (I тип, первый вариант) и двух «рогатых» птицевидных привесок.

Рис. 5. Предметы из цветного металла с усадеб «Г», «З», «М», «К»: 1 — звериноголовый браслет (пл. 15, кв. 328, усадьба «Г»); 2, 4 — узкомассивные браслеты (пл. 16, кв. 753; пл. 15, кв. 701, оба — усадьба «Г»); 3 — витой звериноголовый браслет (пл. 6, кв. 871, усадьба «М»); 5 — двуспиральный цепедержатель (пл. +2, кв. 937, усадьба «К»); 6, 10 — подковообразные фибулы (пл. 10, кв. 590, усадьба «Г»; пл. 9, кв. 907, усадьба «М»); 7 — птицевидная привеска (пл. 15, кв. 905, усадьба «М»); 8 — зооморфная привеска (пл. 6, кв. 914, усадьба «М»); 9 — ножны-амулет (пл. 10, кв. 861, усадьба «М»)

Fig. 5. Nonferrous metal objects from properties "Г", "З", "М" and "К": 1 — beast-head bracelet (horizon 15, square 328, property "Г"); 2 — narrow massive bracelets (horizon 16, square 753; horizon 15, square 701, both — property "Г"); 3 — twisted beast-head bracelet (horizon 6, square 871, property "М"); 5 — two-spiral chain holder (horizon +2, square 937, property "К"); 6, 10 — horseshoe brooches (horizon 10, square 590, property "Г"; horizon 9, square 907, property "М"); 7 — bird-like pendant (horizon 15, square 905, property "М"); 8 — zoomorphic pendant (horizon 6, square 914, property "М"); 9 — sheath-amulet (horizon 10, square 861, property "М")

Рис. 6. Предметы с усадьбы «Е»: 1 — привеска с изображением быка (пл. 22, кв. 1396); 2–4 — зооморфные привески (пл. 17, кв. 1350; пл. 17, кв. 1488; пл. 15, кв. 1345); 5–7 — птицевидные привески (пл. 13, кв. 445; пл. 8, кв. 1448; пл. 6, кв. 1302); 8 — двуспиральный цепедержатель (пл. 5, кв. 1344); 9 — ножны-амулет (пл. 13, кв. 1317). 1–8 — цветной металл; 9 — кость

Fig. 6. Objects from property "Е": 1 — pendant with representation of a bull, horizon 22, square 1396; 2–4 — zoomorphic pendants (horizon 17, square 1350; horizon 17, square 1488; horizon 15, square 1345); 5–7 — bird-like pendants (horizon 13, square 445; horizon 8, square 1448; horizon 6, square 1302); 8 — two-spiral chain holder horizon 5, square 1344; 9 — sheath-amulet, horizon 13, square 1317. 1–8 — nonferrous metal; 9 — bone

К западу от усадьбы «Е» вдоль Черницыной улицы расположена усадьба «Ж» (рис. 7). Характер застройки и вещевой комплекс этой усадьбы в X–XI вв. свидетельствуют о высоком социальном статусе ее владельцев (Рыбина и др., 2020. С. 12–14).

В слоях конца X — середины XI в. здесь обнаружены балтский головной венчик, обломок

булавки с крестовидной головкой, ширококонечный и узкомассивный браслеты, костяная привеска-уточка и пластинчатый зооморфный амулет. Также к слоям второй половины X — начала XI в. относится комплекс предметов скандинавского облика (Там же. С. 14–15). В первой половине XII в. одной из статей доходов владельцев усадьбы была торговля пушниной, о чем свидетельствуют

Рис. 7. Предметы с усадьбы «Ж»: 1 — узкоконечный браслет (пл. 19, кв. 614); 2 — ширококонечный браслет (пл. 15, кв. 1838); 3 — булавка (пл. 17, кв. 1611); 4 — головной венчик (пл. 14, кв. 1621); 5 — птицевидная привеска (пл. 16, кв. 1811); 6–9 — зооморфные привески (пл. 6, кв. 1852; пл. 7, кв. 1862; пл. 7, кв. 1836; пл. 16, кв. 1812); 10 — двуспиральный цепедержатель (пл. 6, кв. 586); 11–12 — фрагменты ткани с орнаментом из бронзовых спиралек (пл. 11, кв. 1604); 13 — ножны-амулет (двойные) (пл. 10, кв. 1802); 14, 15 — скорлупообразные фибулы (пл. 1, кв. 1815; пл. 2, кв. 1818). 1–3, 6–10, 13–15 — цветной металл; 5 — кость; 4, 11, 12 — цветной металл, шерсть

Fig. 7. Objects from property “Ж”: 1 — narrow massive bracelet (horizon 19, square 614); 2 — broad-end bracelet (horizon 15, square 1838); 3 — pin (horizon 17, square 1611); 4 — diadem (horizon 14, square 1621); 5 — bird-like pendant (horizon 16, square 1811); 6–9 — zoomorphic pendants (horizon 6, square 1852; horizon 7, square 1862; horizon 7, square 1836; horizon 16, square 1812); 10 — two-spiral chain holder (horizon 6, square 586); 11–12 — fragments of textile with a pattern of bronze spirals (horizon 11, square 1604); 13 — sheath-amulet (double) (horizon 10, square 1802); 14–15 — eggshell brooches (horizon 1, square 1815; horizon 2, square 1818). 1–3, 6–10, 13–15 — nonferrous metal; 5 — bone; 4, 11, 12 — nonferrous metal, wool

тексты берестяных грамот и находки товарных пломб (Там же. С. 22–26). К этому периоду относятся находки трех бронзовых амулетов в виде миниатюрных ножен (один из них относится к варианту двойных). В середине — второй половине XII в. происходит расширение границ усадьбы, а комплекс вещевых находок и берестяных грамот свидетельствует о высоком социальном статусе ее владельцев (Там же. С. 29–30). К этому периоду относятся находки двух «смоленских» коньков-амулетов, зооморфного амулета, который мог быть бракованной отливкой, и обрывка ткани с узором из бронзовых спиралек. Одним из основных занятий владельцев усадьбы в этот период была торговля, о чем свидетельствуют, прежде всего, тексты берестяных грамот (Там же. С. 27), а одно из ее направлений отражено в грамоте № 1035

с записью «а вот ливские». На рубеже XII–XIII вв. после пожара 1207 г. площадь усадьбы сокращается, меняется характер застройки и вещевого комплекса, что, вероятно, свидетельствует о смене владельцев (Там же. С. 26–29). В слоях XIII в. найдены две карельские скорлупообразные фибулы (типов Н и С) и двуспиральный цепедержатель (I тип, первый вариант).

Усадьбы «У» и «Т» расположены в южной части Троицкого раскопа (рис. 8). Начало освоения этой территории датируется второй половиной X — первой половиной XI в. (первый строительный период). Второй хронологический период охватывает вторую половину XI — рубеж XII/XIII вв. В эти периоды владельцы усадеб обладали высоким социальным статусом (Степанов и др., 2015. С. 263–275). Находки украшений изучаемой

Рис. 8. Предметы из цветного металла с усадёб «У» и «Т»: 1 — перстень (пл. 20, кв. 1740); 2 — равноплечая фибула (пл. 14, кв. 1781); 3, 4 — привески с изображением быка (пл. 18, кв. 1706; пл. 18, кв. 1656); 5 — разделитель цепей (пл. 9, кв. 1789); 6, 8 — цепедержатели (пл. 17, кв. 1713; пл. 5, кв. 1782); 7 — гребень-амулет (пл. 18, кв. 1656)

Fig. 8. Nonferrous metal objects from properties “Y” and “T”: 1— finger-ring (horizon 20, square 1740); 2 — equal-arm brooch (horizon 14, square 1781); 3, 4 — pendants with representation of a bull (horizon 18, square 1706; horizon 18, square 1656); 5— chain divider (horizon 9, square 1789); 6, 8 — chain holders (horizon 17, square 1713; horizon 5, square 1782)

группы на усадьбе «У» ограничиваются ранним периодом (второй половиной X — первой половиной XI в.): перстень с четырьмя волютами, балтский цепедержатель и бронзовый гребень-амулет с зооморфной спинкой. К этому же периоду относятся находки двух привесок с изображением быка. На усадьбе «Т» в слое второй половины XI в. найдена равноплечая фибула с цепочкой, слое первой половины XII в. — прибалтийско-финский разделитель цепей, ко второй половине XIII в. относится находка арочкообразного цепедержателя.

Характеристика новгородских находок балтского и прибалтийско-финского происхождения

Балтский головной венчик (рис. 7, 4) найден в слое второй четверти XI в. От него сохранились бронзовые спиральки, нанизанные на шерстяную нитку, к которым прикреплены две крестовидные привески. Подобные головные уборы наиболее характерны для латгалов и встречаются на всей

территории их расселения (Финно-угры..., 1987. С. 360; Латгалы..., 1999. С. 23).

Булавки с крестообразными головками (6 экз.). Самая ранняя булавка с округлыми плоскими лопастями (рис. 2, 1) найдена в слое конца X — начала XI в. Такие булавки известны среди древностей Литвы и получили широкое распространение в Эстонии, где становятся этноопределяющим украшением эстов (Финно-угры..., 1987. С. 19). Булавка с двумя округлыми боковыми лопастями, соединенными перекладиной с нижними лопастями меньшего размера (рис. 3, 1), найдена в слое начала XI в. Булавка с тремя круглыми лопастями и двумя нижними меньшего размера (рис. 3, 3) происходит из слоя начала XII в. Еще одна булавка с сохранившимися нижними лопастями обнаружена в слое начала XI в. (рис. 7, 3). Булавка с тремя круглыми лопастями и двумя нижними меньшего размера, соединенными с верхними лопастями перепонкой, относится к слоям первой половины XII в. (рис. 4, 3).

Подобные булавки известны у воды (Рябинин, 1997. С. 30, рис. 5, 1), финно-угорского населения восточного берега Чудского озера (Хвоцинская, 1990. С. 12) и в Залахтовье (Хвоцинская, 2004. С. 69–70). Несмотря на то что булавки этого типа встречаются в памятниках Новгородской земли и в Финляндии, они являются эстскими по происхождению (Хвоцинская, 2004. С. 70). Булавку с головкой без орнамента, найденную в слое конца XIII — начала XIV в. (рис. 4, 9), вероятно, можно отнести к позднему варианту, у которого все лопасти соединяются перепонкой. Подобная булавка известна в Варболе (Финно-угры..., 1987. Табл. II, 3), Залахтовье (Хвоцинская, 2004. С. 69–70, табл. CXXXVI) и Мануйлово (Рябинин, 1997. Рис. 5, 1).

Фибулы (14 экз.), относящиеся к кругу балтских и прибалтийско-финских древностей, происходят на Троицком раскопе из слоев второй половины XI — начала XIV в. *Равноплечная фибула с цепочкой* (рис. 8, 2) найдена в слое второй половины XI в. Подобные фибулы известны на территории Финляндии и Приладожской Карелии, а на территории Северо-Запада их находки единичны (Носов, Хвоцинская, 2007. С. 11–12, рис. 2, 4, 5). *Карельские скорлупообразные фибулы* (3 экз.) получают наибольшее распространение среди карельских древностей. Две фибулы, относящиеся по классификации Ю. Айлио (Ailio, 1922. S. 42–57) к типу Н, найдены в слоях второй половины XII (рис. 3, 4) и второй половины XIII в. (рис. 7, 15). Такие фибулы встречаются на памятниках Финляндии и Северо-Западного Приладожья, однако больше всего их на территории расселения древнекарельских племен (Кочкуркина, 1982. С. 108). В. В. Седов считает эти фибулы карельско-емским украшением (Финно-угры..., 1987. С. 48). Еще одна фибула, вероятно, является грубой отливкой с фибулы типа С (рис. 7, 14), найдена в слое второй половины XIII в. Подобные фибулы распространены на территории летописной карелы (Кочкуркина, 1982. С. 104–105; Сакса, 2010. С. 107–114). *Круглая выпуклая щитковая фибула* с отверстием в центре и орнаментом на щитке («терветского» типа) найдена в слое середины XIII в. (рис. 2, 7). Такие фибулы известны по материалам раскопок Асотского городища, но особенно много их в Тервете (Шноре, 1961. Табл. III:14; Латгалы, 1999. С. 27). *Подковообразные фибулы с зооморфными головками* (5 экз.) по стилю оформления головок относятся к кругу балтских и западнофинских

древностей (Kivikoski, 1973. Abb. 699. S. 297; Финно-угры..., 1987. Табл. III, 10; CXV, 3; CXVIII, 8; CXX, 4; CXXII, 6; CXXV, 19; CXXXIV, 19). Одна фибула происходит из слоя конца XI в. (рис. 4, 8), три найдены в слоях второй половины XIII — XIV в. (рис. 4, 4–6), одна не датирована (рис. 2, 6). *Подковообразные фибулы с ромбовидными орнаментированными головками и дугой* (2 экз.). Одна из них найдена в слое второй половины XI в. (рис. 4, 7; 5, 10), вторая — в слое середины XII в. Подобные фибулы большого диаметра встречаются в основном в мужских погребениях у балтов и эстов (Седов, 1981. С. 86). Основным районом их распространения была Эстония, что позволяет считать их эстонским типом подковообразных фибул. Подобные фибулы датируются в Эстонии концом X — началом XI в., а в погребениях Залахтовского могильника встречаются до конца XI в. (Хвоцинская, 2004. С. 81). *Подковообразная фибула с гранчатыми головками и орнаментом на дуге* найдена в слое первой половины XII в. (рис. 3, 6) и в отличие от серебряных карельских (Сакса, 2010. С. 128) изготовлена из бронзы. Ближайшие аналогии карельским фибулам известны на территории Ижорского плато (Там же. С. 130). *Подковообразная фибула с конусовидными головками и орнаментом на дуге* (рис. 5, 6) происходит из слоя второй половины XII в. Подобные фибулы встречаются среди древностей прибалтийских финнов (Седов, 1981. С. 89; Финно-угры..., 1987. Табл. III, 7; XIV, 8).

Цепедержатели (12 экз.) использовались в костюме балтов и прибалтийских финнов для крепления цепочек и шумящих украшений к булавам или овально-выпуклым фибулам. *Цепедержатель полукруглой формы* с петлями для крепления цепочек и орнаментом на тулове происходит из слоя первой половины XI в. (рис. 4, 11). Такие цепедержатели имеют куршское происхождение, известны среди древностей эстов и латгалов (Финно-угры..., 1987. Табл. CVIII, 18; CXXXIII, 7). *Ажурный цепедержатель* (рис. 8, 6) найден в слое середины XI в. Подобные цепедержатели известны среди древностей эстов, латгалов (Финно-угры..., 1987. Табл. CV, 6), ливов (Зариня, 1985. Рис. 2, 2; Спиргис, 2012. Рис. 6, 6) и на Северо-Западе Новгородской земли (Финно-угры..., 1987. Табл. II, 22; VIII, 14; X, 9; Хвоцинская, 2004. С. 70, табл. XCIX, 4). *Арочкообразные цепедержатели* (2 экз.) (рис. 4, 10; 8, 8) найдены в слое второй половины XIII в. Такие цепедержатели были

широко распространены у прибалтийских финнов — эстов и ливов (Хвоицкая, 2004. С. 70–71, табл. CXVII, 36, 37; CXXVI; CXXXXIII). *Двусторонние цепедержатели* (7 экз.) обнаружены в слоях XIII — первой половины XIV в. Их хронология и типология разработана С. И. Кочуркиной (Кочуркина, 1982. С. 112). *Цепедержатели типа I, первый вариант* (5 экз.) (рис. 2, 4, 5; 5, 5; 6, 8, 7, 10) известны на карельских, эстских и западнофинских памятниках, в новгородских и костромских курганах, поэтому, по мнению некоторых исследователей, их нельзя считать характерными только для древнекарельского убора (Седова, 1981. С. 35; Финно-угры..., 1987. С. 48). *Цепедержатель I типа, второй вариант* (декоративный). Подобные цепедержатели редко встречаются за пределами расселения летописной карелы, что позволяет считать их карельским изобретением (Кочуркина, 1982. С. 113) (рис. 2, 5). *Цепедержатель II типа, второй вариант*, также является карельским (Кочуркина, 1982. С. 114) (рис. 3, 5).

Для прикрепления цепочек в балтских и прибалтийско-финских костюмах кроме цепедержателей использовались разделители цепей. Ближайшая аналогия *разделителю цепей* (рис. 8, 5), найденному в слое первой половины XII в., обнаружена на одном из памятников водской земли (Рябинин, 1997. Рис. 5, 8).

Ф-образная пронизка найдена в слое второй половины XIII в. Подобные пронизки широко распространены на памятниках Прикамья, перми вычегодской и веси (Седова, 1981. С. 34), а также среди древностей Карельского перешейка (Кочуркина, 1982. С. 112). Типологически близкой к Ф-образным пронизкам является *привеска*, найденная в слоях конца XII в. (рис. 3, 2). От пронизок ее отличает западная нижняя часть с тремя петлями для привешивания шумящих украшений. Подобная привеска известна по материалам одного из погребений могильника Туккала (Кочуркина, 1981. С. 90).

Привески-амулеты (5 экз.). Среди привесок, найденных на Троицком раскопе, есть амулеты, нехарактерные для древнерусского убора, но хорошо известные в Прибалтике и Финляндии. *Гребень-привеска с зооморфной спинкой* (рис. 8, 7), оформленной в виде стилизованных головок птиц, найден в слое первой половины XI в. Подобные бронзовые амулеты характеризуются исследователями как изделия, связанные с прибал-

тийско-финской художественной традицией (Носов, Хвоицкая, 2007. С. 7–10). *Бронзовая пластинчатая привеска-уточка*, найденная в слое первой половины XI в. (рис. 5, 7), относится ко II типу (Рябинин, 1981. С. 16–17). Подобные привески не получают распространения на территории Древней Руси, но хорошо известны на археологических памятниках эстов и ливов (Хвоицкая, 2004. С. 72–73). Е. А. Рябинин отмечает, что основной район концентрации привесок этого типа (тип II) зафиксирован на территории Латвии (Рябинин, 1981. С. 16–17). *Объемная привеска-уточка, изготовленная из кости*, найдена в слое середины XI в. (рис. 7, 5). За пределами Древней Руси подобные амулеты известны в Прибалтике, в том числе в Эстонии. Некоторые исследователи связывают появление костяных привесок-уточек на славянских памятниках с балтской традицией (Рябинин, 1981. С. 44). Аналогия *зооморфному амулету* (рис. 2, 2), найденному в слое конца X — начала XI в., происходит из ливского могильника (Tõnisson, 1974. Abb. 29, 4). *Зооморфный амулет* (рис. 7, 9), происходящий из слоя первой половины XI в., относится к XII типу (Рябинин, 1981. С. 27). Подобные привески концентрируются в Юго-Восточном Приладожье (Рябинин, 1981. С. 27). Наиболее близкая по форме привеска происходит из Эстонии (Кузнецова, 2018. С. 292, рис. 1–9).

Браслеты (12 экз.). *Узкомассивные браслеты* (8 экз.) найдены в слоях конца X — начала XI в. (3 экз.), второй половины XI — начала XII в. (3 экз.) и XIII в. (2 экз.) (рис. 4, 2; 5, 2, 4; 7, 1). Широкое распространение узкомассивных браслетов в Восточной Прибалтике, в том числе в Эстонии, позволяет предположить, что именно оттуда они попадают в северо-западные районы Новгородской земли (Левашева, 1967. С. 242; Седова, 1981. С. 103; Нукшинский могильник..., 1957. Табл. V, 3; VI, 4). *Ширококонечные браслеты* (2 экз.) распространены на памятниках Балтийского региона и характерны для балтского и финно-угорского круга древностей (Левашева, 1967. С. 236; Седова, 1981. С. 110). Браслет, найденный в слое второй половины XI в., относится к раннему типу (рис. 4, 1). Второй браслет, происходящий из слоя первой половины XI в. (рис. 7, 2), сопоставим с поздней группой браслетов этого типа (Хвоицкая, 2004. С. 84–86). *Звериноголовые браслеты* (2 экз.) — характерное украшение балтов — найдены в слое второй половины XI в. и первой половины XII в.

(рис. 5, 1, 3). Из Прибалтики они распространяются на землях, заселенных финно-уграми и славянами (Левашева, 1967. С. 241; Седова, 1981. С. 112). Известны они и у прибалтийско-финских племен, в частности, у эстов, где считаются привозными (Финно-угры..., 1987. С. 19).

Перстни (4 экз.). *Перстень с четырьмя волютами* (рис. 8, 1) происходит из слоя конца X — начала XI в. Подобные перстни были широко распространены в Эстонии, известны они на археологических памятниках латгалов и в Финляндии (Лесман, 2011. С. 408). В Залахтовье такие перстни встречены в 35 погребениях (Хвоцинская, 2004. С. 90, табл. XIX, 9–11). *Спиральные перстни* (3 экз.) найдены в слоях первой половины XII, первой половины XIII и второй половины XIII в. Подобные перстни широко распространены у балтов и прибалтийских финнов (Седова, 1981. С. 125; Финно-угры..., 1987. Табл. II, 17; CV, 2; CVII, 6, 7; CXIV, 24).

Обрывок ткани с узором из бронзовых спиралек (рис. 7, 11, 12) найден в слое середины XII в. Характер орнамента и техника изготовления свидетельствуют о его несомненном прибалтийско-финском происхождении (Хвоцинская, 1993. С. 157–166).

Среди украшений и амулетов, найденных на усадьбах, открытых на Троицком раскопе, можно выделить группу предметов, которые нельзя однозначно относить к группе предметов балтского или прибалтийско-финского круга древностей. Однако они, вероятно, могут характеризовать связи жителей усадеб с Прибалтикой или с Северо-Западом Новгородской земли.

Круглые привески с изображением быка (3 экз.) (рис. 6, 1; 8, 3, 4) найдены в слоях конца X — первой половины XI в. Возможно, такие привески изготавливались на городище Даугмале, о чем свидетельствует находка каменной литейной формы (Хвоцинская, 2000. С. 247–249), а большинство находок привесок этого типа имеют «достаточно выраженный балто-финский контекст» (Хвоцинская, 2004. С. 75).

Зооморфная привеска (рис. 2, 3) найдена в слое первой половины XIII в. и относится к XIII типу, третий вариант (Рябинин, 1981. С. 28). Две подобные подвески происходят из Новгородской земли, две — из Приладожья, по одной — из Костромской и Московской областей (Там же. С. 28). Еще одна подвеска, но более стилизованная, происходит с городища Даугмале (Там же. С. 28, табл. XI, 5; XII, 2).

Коньки-амулеты так называемого смоленского типа (7 экз.) — XIV тип, первый вариант (Рябинин, 1981. С. 29–31). Два из них происходят из слоя первой половины XI в., один — из слоя второй половины этого же столетия, к середине XII в. относятся находки двух привесок этого типа (рис. 6, 2–4; 7, 7, 8). Еще две привески, которые могли быть местными поздними вариантами или литейным браком, найдены в слоях второй половины XII в. (рис. 5, 8; 7, 6). Зооморфные привески XIV типа получают широкое распространение на территории Древней Руси, в том числе в землях, не связанных с финно-угорским миром, что позволяет предположить их древнерусское происхождение. Одним из районов их концентрации была область расселения смоленско-полоцких кривичей. Поэтому их часто называют коньками «смоленского» типа. По мнению Е. А. Рябинина, в XI–XII вв. второй центр изготовления коньков-амулетов этого типа мог находиться в Восточной Прибалтике (Там же. С. 29–31). Он предполагает, что у прибалтийских привесок уши оформлялись в виде одного или двух выступов, а у древнерусских — в виде колечек (Там же. С. 31). По этому признаку новгородские амулеты предположительно имеют прибалтийское происхождение. Детальному анализу коньков-амулетов «смоленского» типа посвящена статья Р. Спиргиса (Спиргис, 2012. С. 195–220). Он установил, что в XI — первой половине XII в., во время наибольшего распространения коньков-амулетов «смоленского» типа на территории Древней Руси, в Латвию попадают отдельные экземпляры. В XII в. их начинают изготавливать на городище Даугмале, а время наибольшего распространения коньков-амулетов этого типа на территории Латвии приходится на XII–XIII вв. (Там же. С. 209). Этот вывод в некоторой степени ставит под сомнение прибалтийское происхождение новгородских привесок. Однако, на мой взгляд, только топографический анализ и сочетание этих привесок с балтскими и прибалтийско-финскими предметами в пределах одной усадьбы и одного хронологического периода могут уточнить их происхождение в каждом конкретном случае.

Плоские прорезные «рогатые» уточки (3 экз.) — тип III, первый вариант (Рябинин, 1981. С. 17–18) — происходят из слоев второй половины XII в., первой половины XIII в. и второй половины XIII в. (рис. 6, 5–7). Е. А. Рябинин отмечает их концентрацию в северо-западных областях Древней

Руси (Там же. С. 17). Довольно много таких привесок в Прибалтике, например в Восточной Латвии (Спиргис, 2012. Рис. 4, 8–12).

Ножны-амулеты (9 экз.), изготовленные из кости (5 экз.) и цветного металла (4 экз., два — вариант двойных ножен), найдены в слоях XII в. (рис. 5, 9; 6, 9; 7, 13). Такие амулеты происходят в основном с памятников северных и северо-западных областей Древней Руси (Рябинин, 1988. С. 61). За пределами Древнерусского государства они были широко распространены в Прибалтике, на древнеэстонских и ливских памятниках, что позволяет предположить их прибалтийско-финское происхождение (Рябинин, 1988. С. 61; Недошивина, 1993. С. 40). Типологически близкими к амулетам в виде ножен являются **привески-игольники**, широко распространенные среди финно-угорских древностей (Седова, 1981. С. 34–35). От ножен-амулетов их отличает наличие внутреннего канала для ношения иглолка. Два игольника с арочным навершием найдены в слоях второй половины XIII в., а цилиндрический — в слое второй половины XIV в.

Заключение

Таким образом, во второй половине X — XI в. балтские и прибалтийско-финские украшения (31 экз.) известны практически на всех усадьбах, открытых на Троицком раскопе и, вероятно, отражают связи жителей этих усадеб с Восточной Прибалтикой. Аналогии большинству из них находятся среди древностей эстов. Можно предположить, что население этой части Людина конца в ранний период могло быть полиэтничным, а в составе жителей некоторых усадеб были эсты. В X — первой половине XI в. наиболее яркий иноэтничный комплекс (22 экз.) выявлен на усадьбах, расположенных в южной части Троицкого раскопа (усадьба «Ж» — 5 экз., усадьба «У» — 6 экз.). Вероятно, к этому комплексу можно отнести находку равноплечей фибулы, обнаруженную в слоях второй половины XI в. на усадьбе «Т». На усадьбе «Е», также расположенной к югу от Черницыной улицы, на ее перекрестке с Пробойной, не найдено украшений этого времени, обладающих яркой этнической характеристикой, но есть предметы, косвенно подтверждающие контакты ее владельцев с Прибалтикой. Во второй половине XI — начале XII в. количество украшений изучаемой группы уменьшается (9 экз.), и для этого периода не выявлено ярких иноэтничных комплексов.

Судить о характере связей жителей «троицких» усадеб с Восточной Прибалтикой по сравнительно небольшой группе предметов раннего периода достаточно сложно. Однако исходя из высокого социального положения владельцев усадеб, можно предположить, что их деятельность была связана с укреплением контактов и, возможно, с контролем над сбором дани и торговлей и что во второй половине X — XII в. торговые отношения связывали жителей этой части Людина конца с крупным торгово-ремесленным центром, расположенным на левом берегу Даугавы — Даугмале, население которого было полиэтничным. В его составе были ливы и земгалы, его посещали скандинавы и славяне (Финно-угры..., 1987. С. 374–375). Следует также отметить, что практически все балтские и прибалтийско-финские предметы раннего периода представлены женскими украшениями и амулетами. Поэтому, возможно, одним из механизмов упрочнения власти или налаживания контактов могло быть заключение браков между рядовыми членами прибалтийско-финских общин и жителями усадеб Людина конца.

В XII в. более половины предметов изучаемой группы (26 экз.) составляли амулеты (в виде миниатюрных ножен — 14 экз., игольника с арочным навершием и зооморфные — 6 экз.). В отличие от деталей одежды и украшений, характеризующих этническое своеобразие убора особенно в ранний период, амулеты могли использоваться и в городском костюме. В XII в. на усадьбах, открытых на Троицком раскопе, балтские и прибалтийско-финские предметы практически не составляют комплексов. Исключением является карельский убор, найденный на усадьбе «В» (Покровская, 2005. С. 120–132).

В слоях первой половины XIII в. после пожара 1207 г., когда этот район Людина конца был передан новым поселенцам (Хорошев, 1994. С. 66), обнаружено всего шесть предметов изучаемой группы. Во второй половине XIII — начале XIV в. их количество существенно возрастает (20 экз.). Предметов, которые датируются XIV в., всего четыре.

В XIII–XIV вв. на усадьбах появляются двуспиральные и арочкообразные цепедержатели, амулеты прибалтийско-финского происхождения практически исчезают. В этот период в комплексе украшений, найденных на «троицких» усадьбах, увеличивается количество предметов, характеризующих его близость с комплексом украшений

населения Северо-Запада Новгородской земли. Одной из особенностей новгородского городского убора было включение в его состав некоторых деталей прибалтийско-финского костюма (Покровская, 2007. С. 36–51), которые так же, как и на Северо-Западе Новгородской земли, использовались в качестве декоративных элементов одежды (Рябинин, Хвоцинская, 1990. С. 46). Во второй половине XIII — начале XIV в. на усадьбах Ярышевой улицы («И», «П») выделяется комплекс пред-

метов изучаемой группы, появление которых на этих усадьбах, возможно, связано с событиями на юго-западных рубежах Новгородского государства (Янин, 1998. С. 370–373).

Таким образом, по немногочисленным, но достаточно надежным археологическим источникам устанавливаются стабильные связи владельцев усадеб, открытых на Троицком раскопе, с Восточной Прибалтикой, Северо-Западным Приладожьем и Северо-Западом Новгородской земли.

Гайдуков и др., 1997 — Гайдуков П. Г., Фараджеева Н. Н., Дубровин Г. Е. Динамика застройки новгородской усадьбы X–XV вв. (по материалам усадьбы «П» Троицкого раскопа // НиНЗИИА. Новгород: НМЗ, 1997. Вып. 11. С. 48–51.

Зариня, 1985 — Зариня А. Одежда ливов X–XII вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий / Под ред. Ю. Селиранда. Таллин: АН Эстонской ССР, Ин-т истории, 1985. С. 36–45.

Колчин и др., 1981 — Колчин Б. А., Янин В. Л., Хорошев А. С. Усадьба Новгородского художника XII века. М.: Наука, 1981. 176 с.

Кочкуркина, 1981 — Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л.: Наука, Лен. отд., 1981. 160 с.

Кочкуркина, 1982 — Кочкуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, Лен. отд., 1982. 216 с.

Кузнецова, 2018 — Кузнецова В. Н. Прибалтийский компонент в зооморфных украшениях Древней Руси // АиИПИПЗ. М.: ИА РАН, 2018 (Семинар им. академика В. В. Седова; Вып. 32: Материалы 62-го заседания). С. 297–293.

Латгалы..., 1999 — Латгалы / Текст: А. Радиныш; пер. на рус. яз.: Т. Михайлова. Рига: б. и., 1999. 68 с.

Левашева, 1967 — Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.

Лесман, 2011 — Лесман Ю. М. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // Российский археологический ежегодник. СПб: Изд-во СПбГУ, 2011. № 1. С. 396–420.

Недошивина, 1993 — Недошивина Н. Г. Об одной группе древнерусских амулетов // Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ, 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82). С. 39–45.

Носов, Хвоцинская, 2007 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Связи населения Центрального

Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 6–17.

Нукшинский могильник..., 1957 — Нукшинский могильник: [Пер. с латыш.] / Под ред. Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейда. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1957 (Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР / АН Латвийской ССР; Ин-т истории и материальной культуры; 1). 148 с.

Покровская, 1998 — Покровская Л. В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография. Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / МГУ. М., 1998. 30 с.

Покровская, 2005 — Покровская Л. В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы «В» Троицкого раскопа // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2005. Вып. 19. С. 120–132.

Покровская, 2007 — Покровская Л. В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник РГНФ. М., 2007. № 3 (48). С. 36–51.

Покровская, 2018 — Покровская Л. В. Балтские и западнофинские украшения XI в. в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия: Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина: Тезисы докладов. М.: б. и., 2018 (Тр. Ист. ф-та МГУ; Т. 140). С. 81–82.

Покровская, Тянина, 2015 — Покровская Л. В., Тянина Е. А. Амулеты с усадеб Ярышевой улицы Троицкого раскопа // РА. 2015. № 4. С. 89–100.

Рыбина и др., 2020 — Рыбина Е. А., Сингх В. К., Покровская Л. В. Краткая история археологического изучения усадьбы «Ж» Троицкого раскопа в Новгороде // Усадьба X–XI веков в Людином конце

- средневекового Новгорода (по материалам усадьбы «Ж» Троицкого раскопа) / Отв. ред. В. К. Сингх, В. В. Новиков. М.: Наука, 2020. С. 8–29.
- Рябинин, 1981 — Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; EI-60). 124 с.
- Рябинин, 1988 — Рябинин Е. А. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 55–62.
- Рябинин, 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Рябинин, Хвоцинская, 1990 — Рябинин Е. А., Хвоцинская Н. В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI–XV вв. М.: Наука, 1990. Вып. II. С. 41–47.
- Сакса, 2010 — Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I тысячелетия — начале II тысячелетия н. э. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 107–120.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Спиргис, 2012 — Спиргис Р. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: ВАШ, 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, меря и инии языцы. С. 195–220.
- Степанов и др., 2015 — Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К. Усадьбы «Т» и «У» в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Исторические исследования: Электронный научн. журнал Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2015. № 3. С. 263–275 / [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/50> (дата обращения 3 февраля 2020).
- Фараджеева и др., 2013 — Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Усадьба «И» Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 131–133.
- Фараджеева и др., 2014 — Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Усадьба «О» Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2014. Вып. 28. С. 204–217.
- Финно-угры..., 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 512 с.
- Хвоцинская, 1990 — Хвоцинская Н. В. Население восточного берега Чудского озера // Финны в Европе VI–XV веков. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: ИА РАН, 1990. Вып. 2: Русь, финны, саамы, верования. С. 6–14.
- Хвоцинская, 1993 — Хвоцинская Н. В. Об особенностях костюма населения восточноприбалтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 157–166.
- Хвоцинская, 2000 — Хвоцинская Н. В. Об этнической атрибуции подвесок с изображением головок быка // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы). СПб.: Изд-во ИПК Вести, 2000. С. 246–253.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 (Тр. ИИМК РАН; Т. VI). 428 с.
- Хорошев, 1994 — Хорошев А. С. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба «А») // [Первые] Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.). Новгород: НМЗ, 1994. С. 54–66.
- Шноре, 1961 — Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига: АН Латвийской ССР, 1961. 234 с.
- Янин, 1998 — Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М.: Языки русской культуры, 1998. 461 с.
- Янин и др., 2001 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Сорокин А. Н. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 2000 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 5–11.
- Ailio, 1922 — Ailio J. Karjalaiset soikeat kupurasoljet: katkelma Karjalan koristetyylin kehityshistoriasta. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1922 (SMYA; XXXII (3)). 81 s.
- Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finlands: Bildwerk und Text. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1973. 250 s.
- Tõnisson, 1974 — Tõnisson Z. Die Gayjahiven und Inke Materielle Kultur (11th aufand 13th). Tallin: Eesti Raamat, 1974. 209 s.

Baltic and Balto-Finnish objects at urban properties of the Lyudin Konets of mediaeval Novgorod (after the materials from the Troitsky excavation)

L. V. Pokrovskaya

Investigation of a group of Baltic and Balto-Finnish objects at the properties excavated at the Troitsky excavation in Novgorod has allowed the researchers to establish chronological and topographic peculiarities of their distribution in this sector of Lyudin Konets. In the second half of the 10th and 11th century they are known practically at all the urban properties here while their majority is found among antiquities of the Ests suggesting a mixed ethnic composition of the dwellers of the mansions in the early period. During that period, the activities of the owners of the properties were concerned with the strengthening of the contacts with the eastern Baltics. The most distinctive complex of the foreign-ethnic objects was revealed at the properties situated in the southern section of the Troitsky excavation (properties “Ж”, “У”, “Т”) (Fig. 8; 9). Possibly, in the second half of the 10th–12th century, trade connections linked the inhabitants of this part of Lyudin Konets with the trade-handicraft centre Daugmale, where the population comprised Zemgalians and Livs. In the 12th century, Baltic and Baltic-Finnish artefacts practically do not constitute any complexes, while over half the objects of the group under study are represented by amulets which can have been used in the urban costume. At property “В”, situated in the north-eastern part of the excavation, a complex of Karelian ornaments was found (Fig. 4). In the 13th–14th century, at the properties uncovered at the Troitsky Excavation, two-spiral and arch-like chain holders were introduced, whereas amulets of the Baltic-Finnish provenience practically disappeared. During this period, among the complexes of the ornaments from the properties, the numbers of those objects increase. This fact indicates their closeness to the complex of ornaments of the population of the north-western Novgorod Land. In the second half of the 13th — early 14th century, at the properties of Yarysheva Street (“И”, “П”), a complex of objects of the group under study is distinguishable. Its appearance was probably related with the events at the south-western borders of the Novgorod state reflected in birchbark documents (Fig. 5).